

Место Украины в стратегиях национальной безопасности США

Научный руководитель – Юрченко Сергей Васильевич

Чебану Владимир Валерьевич

Аспирант

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

E-mail: velikiiprevelikii@mail.ru

После распада СССР внешняя политика США стала проявлять пристальный интерес к постсоветскому пространству. Одной из точек приложения данного внешнеполитического интереса стала Украина, отношения с которой имели для Российской Федерации высокое значение ввиду исторически сложившихся тесных культурных и экономических связей, а также ввиду стратегических интересов России на постсоветском пространстве, в т. ч. в торгово-экономической и политической сферах.

Представляется возможным утверждать, что новое оживление американской внешней политики произошло после событий 11 сентября 2001 г. и нашло доктринально оформленное выражение в стратегии национальной безопасности, изданной Белым Домом в 2002 г. За использованием выражения “rogue states” [5, с. 13], провозглашением “превентивной борьбы” с внешней угрозой [5, с. 13–16] и декларациями кооперации и защиты союзников [5, с. 6–7, 13–15] скрывается фактическое объявление американской стороной о ее намерении продвигать собственные интересы за пределами национальных границ, определяя пределы их реализации в одностороннем порядке.

Поскольку вопрос определения и реализации американских интересов на постсоветском пространстве вообще и на Украине в частности имеет высокое значение для российской внешней политики с точки зрения стратегического планирования, данное исследование ставит перед собой задачу рассмотреть изменение частоты и контекста упоминания Украины в стратегиях национальной безопасности США, прослеживая связь данных изменений с конкретными условиями современной рассматриваемым документам международной ситуацией.

В первой стратегии национальной безопасности 2002 г. какие-либо упоминания Украины отсутствуют, затем в порядке упоминания страна трижды фигурирует в документе 2006-го г. [6, с. 2, 28, 38]. В последнем случае документ утверждает как данность, что «цветные революции» в Грузии, на Украине и в Киргизии «дали надежду на утверждение свободы на европейском континенте» [6, с. 2], утверждает курс на подготовку вступления Украины в числе ряда других стран (включая Россию) в ВТО [6, с. 28], а также в контексте развития и усиления НАТО как проводника интересов США за рубежом упоминает программы партнерства НАТО с Россией и Украиной [6, с. 38]. Заметим, что в национальной военной стратегии США 2004-го г. Украина не фигурирует [4], хотя в это время ведутся переговоры о возможном вступлении в НАТО [см., напр., 1, 2].

Упоминания Украины в стратегии национальной безопасности 2010 г. снова отсутствуют [7], и впервые предметный интерес к Украине в рассматриваемых «стратегиях» проявляется в документе 2015 г. в контексте так называемой российской агрессии на Украине [8, с. 10, 25]. С учетом обманчивой видимости отсутствия внимания к Украине до событий 2014 г., создаваемой стратегией национальной безопасности США, следует указать, что в контексте сотрудничества с Североатлантическим альянсом неослабевающий интерес США был направлен на Украину с 1992 г., как это показал профессор В.Н. Бабенко [1].

Стратегия национальной безопасности 2017 г. содержит только одно упоминание Украины, призванное показать «диверсионную деятельность» России, направленную на «ослабление результатов американской отдачи в Европе» [9, с. 47]. Заметим, что косвенно фактор

«русской агрессии» без прямого указания на него используется в качестве аргументации повышения трат стран-участников НАТО на оборону до 2% от ВВП [9, с. 48].

«Промежуточная стратегия национальной безопасности» 2021 г. вновь не содержит никаких упоминаний Украины [3].

Как видно по вышеизложенному, рассматриваемая череда документов официальной политики США вовсе не выделяет Украину как объект особого интереса, что не отражает реально проводимую политику, включая экспансию американского капитала (ее осуществление на рассматриваемой территории требует отдельного исследования). Тем не менее ситуация резко меняется с началом специальной военной операции России, направленной на защиту присоединившихся к ней областей. Принятая в октябре 2022 г. стратегия национальной безопасности США содержит более тридцати упоминаний Украины, причем по характеру весь документ схож со своим предшественником 2002 г. — в одном случае международный терроризм, в другом — «неспровоцированная агрессия» России служат предлогом для продвижения американских политических и торгово-экономических интересов. Под этим предлогом декларируется рост усилий по способствованию «институциональных реформ» на постсоветском пространстве [10, с. 39], провозглашается введения санкций [10, с. 39], нарушающих устав ООН и пр.

Особо подчеркнем, что взятые вне реального контекста американской политики «стратегии...» создают видимость того, что американская политика на Украине носит ответный характер, что, как показано выше, не соответствует действительности. Вопрос влияния данного расхождения на поддержку населением США официального политического курса требует отдельного изучения.

Источники и литература

- 1) Бабаенко В.Н. Украина и НАТО: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы Европы, 2019. — С. 101–116
- 2) Тодоров І.Я. Україна на шляху до європейської та євроатлантичної спільноти: Монографія. — Донецьк: ДонНУ, 2006. — 268 с.
- 3) Interim National Security Strategic Guidance, 2021. — 24 p.
- 4) The National Military Strategy of the United States of America, 2004. — 30 p.
- 5) The National Security Strategy of the United States of America, 2002. — 32 p.
- 6) The National Security Strategy of the United States of America, 2006. — 49 p.
- 7) The National Security Strategy of the United States of America, 2010. — 52 p.
- 8) The National Security Strategy of the United States of America, 2015. — 29 p.
- 9) The National Security Strategy of the United States of America, 2017. — 56 p.
- 10) The National Security Strategy of the United States of America, 2022. — 48 p.